

MÜZAKİRƏ VƏ DISKUSSIYA
ОБСУЖДЕНИЯ И ДИСКУССИИ
DEBATES AND DISCUSSIONS

ТАХИР ТОЛГУРОВ (Россия)*

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОГО ГОРИЗОНТА ТЮРКСКИХ
СОБЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ

Резюме

Статья посвящена определению времени реального появления носителей тюркского языка и культуры в Европе. Используя сугубо филологический подход, автор подвергает сомнению устоявшуюся точку зрения относительно нижней временной границы тюркского присутствия на континенте, которая датируется II в. н.э.

В статье также исследуются сюжетные и ономастические сходжения в скандинавском, германском эпосах и карачаево-балкарском эпосе «Нартиады», выстраивается система доказательств влияния тюркской фольклорной архаики на тексты «Старшей Эдды» и «Песни о Нибелунгах».

Ключевые слова: *тюркские события, Европа, эпосы, текст, филологический подход.*

Общий объём устоявшихся гипотез об этногенезе, культурном становлении и истории тюркских народов довольно стабилен. Некоторые положения академической науки, несмотря на свою несостоятельность с точки зрения здравого смысла, в виде неоспоримых аксиом всё же существуют и в настоящее время. Это сегодняшние воззрения на последовательность и сроки расселения тюрков в Евразии, никак не согласующиеся с элементарными демографическими нормами, трактовки античной истории Причерноморья, а также парадоксы тюркской антропологии, в последние несколько лет благодаря развитию генетики принявшие форму научного нонсенса.

По всей видимости, генерационная база многих явно тенденциозных теорий лежит за пределами научного мышления. За десятилетия обращения в литературе они настолько глубоко вросли в системы современного знания,

* Институт гуманитарных исследований РАН, отдел социально-политических исследований, доктор филологических наук. E-mail: kangaur64@yandex.ru

что задают концептуальные ограничения по целому ряду направлений тюркологических исследований.

Однако выстроенная несколькими поколениями парадигма идеологического подхода к вопросам тюркской истории и культуры зиждется на весьма непрочном основании – на постулате о сравнительно позднем формировании древнетюркских этносов, а, следовательно, и позднем появлении их в Европе. Не анализируя причины формирования и дальнейшего развития этого положения, отметим, что оно, будучи имплантировано в конкретные научные дисциплины, является тем ядром, вокруг которого кристаллизуются доктрины сомнительного либо откровенно абсурдного свойства, порой проявляющиеся в трудах даже тех учёных, чья научная состоятельность и добросовестность не могут вызывать сомнений. Это, в частности, идея о единомоментном и целенаправленном создании тюркской руники, поддерживаемая рядом зарубежных исследователей и ставшая краеугольным камнем воззрений некоторых российских авторов (Щербак, 2001: 38–39; Лившиц, 1978: 93). Под прессингом устоявшихся методологических стандартов игнорируются и очевидные факты. Так, А.Щербак, констатируя наличие в тюркской рунике парных графем «для твёрдорядных и мягкорядных согласных» (Щербак, 2001: 44), в то же время отрицает возможность её стадийного развития из слогового письма. Некоторые исследователи не замечают графем однозначно пиктографического и идеографического качества, хотя таковых в орхонском варианте рунического алфавита более десяти: *A* – происходит от *аякь* ('нога'), *B* – от *эб* ('дом'), *S* – от *сюнрю* ('пика'), *T* – от *ат* ('конь'), *J* – от *ай* ('месяц'), *Ў* – от *чат* ('развилка'), *M* – от *малыкь – балыкь* ('рыба'), *Z* – от *жор* ('крест', вероятно, 'косой крест' или 'свастика'), *Oq* – от *оқь* ('стрела'), *Rt* – от *орта* ('середина', 'центр'), *R* – от *аркья – аркьяу* ('спина' – 'поперечная балка'). Единственное сомнение в визуальном сходстве перечисленных графем и соответствующих им объектов может вызвать орхонское *A*, однако обращение к уйгурскому графическому аналогу снимает все вопросы.

Причиной указанных и некоторых других не менее явных (кореллирующих) девиаций в системе изложения и доказательств довольно обширной когорты учёных является определение ими II–IV вв. н.э. крайним горизонтом европейских тюркских событий вообще. В этой системе координат единовременное создание рунического алфавита в конце VI – нач. VII в. вполне закономерно, принятие же иной точки отсчёта тюркской истории грозит в большинстве случаев научным остракизмом.

В ситуации активного предпочтения официальной академической наукой некогда выработанных тезисов логике уже установленных событий особое значение приобретает поиск безусловных аргументов и материальных артефактов. Существует ли что-то, позволяющее доказать, что полумиллионное (в самых оптимистических подсчётах) население Алтая на протяжении II–V вв. н.э. не могло покорить земли от Байкала до Каталаунских полей из-за сопротивления местных этносов?

К сожалению, информация по данному вопросу на современном этапе исследований довольно разрознена и потому не может быть признана системной. Тем не менее некоторые из свидетельств всё же можно отнести к числу достаточно иллюстративных. Так, вполне прозрачным является этноним *амазонки*, известный с VIII в. до н.э. Пытаясь этимологизировать наименование легендарных воительниц, исследователи обращались к греческому, персидскому и армянскому языкам. В.Тредьяковский искал корни слова в русском (Котина, Зубаев, 2011: 5–11; Миросина, 1993: 4, 84; Грейвс, 1992: 270; Тредьяковский, 1849: 350).

В современном карачаево-балкарском языке и сегодня в речевом обороте находится слово *эммеч*, обозначающее именно женщину-воительницу. Этимология этого слова очевидна – геминированное *М* образовалось из сочетания *МБ*, а конечное *Ч* является редуцированным *К*. Исходная форма, таким образом, – *эм бек*: дословно – ‘воин с грудью’, в более архаичном варианте – ‘воин с женскими первичными половыми признаками’.

Прочтение праформы в огузской версии даёт нам *эм бег* – *эм беги*, которое при геминизации срединных согласных и смягчении конечного *г* результатом имеет красноречивое *эммез*. В этой связи считаем необходимым упомянуть, что возможности контактов тюркоязычных народов с обитателями античной Ойкумены академической наукой даже не рассматриваются. Простейший обзор глоссария классической латыни, сформированного в догуннскую эпоху, позволяет нам выявить десятки и даже сотни буквальных совпадений при их абсолютной тюркской этимологической ориентации.

В литературе описано и несколько материальных артефактов, подтверждающих как присутствие носителей тюркской культуры на территории Европы задолго до рождения Иисуса Христа, так и наличие у них собственной письменности.

Эти артефакты зафиксированы в трудах известного лингвиста Г.Ф.Турчанинова, деятельность которого сегодня воспринимается весьма неоднозначно. Помня о частых НЕдорисовках (или, наоборот, ДОрисовках), имеющих, по мнению некоторых исследователей, в приводимых учёным памятниках, мы ограничились рассмотрением лишь самых коротких из его записей: лапидарность текста ограничивает возможности творческого подхода к нему. Надпись на погребальном сосуде VII–VI вв. до н.э. (Турчанинов, 1971: Табл. XVII):

Г.Турчанинов трактует эту надпись как *iat* и сопоставляет данное звуко сочетание с современным осетинским *и адæ*. В конце концов после нескольких допущений он переводит его так: ‘это погребальная пища’ (Турча-

нинов, 1971: 52). Без всяких допущений надпись читается следующим образом: *дзс*, с редуцированной *з* в середине, что звучит приблизительно как *дозас*, а переводится как ‘погребальная пища’.

Надпись на скифской стреле VII в. до н.э. по Турчанинову (Турчанинов, 1971: Табл. XIV):

‡ 1 Z _

Буквы в надписи читаются слева направо и от устья наконечника стрелы к её острию. Окончательный перевод Турчанинова – ‘жгучая’ (Турчанинов, 1971: 48). Если принять, что все графемы искажены, как считает автор, а неизвестный скриптор действительно писал от устья к острию, то таким он вполне может быть.

Однако нам кажется, что на острие стрелы помещались надписи повелительного характера, а для воина естественным было писать от острия к устью. Прочитанная справа надпись будет иметь следующий вид:

‡ _ Z J

В тюркской записи первый знак справа – классическая и общая для всех вариантов рунического алфавита *L*. Два средних знака могут быть компонентами графемы *T*, зафиксированной С.Байчоровым в северокавказском руническом ареале (Байчоров: 91). Крайняя слева графема – первичная пиктографическая форма руны *R* (от *аркѡу* – ‘спина’ – ‘поперечная балка’ – ‘арка’). В этом и в несколько эволюционировавшем виде она известна в других областях бытования тюркской руники. Таким образом, слово читается как вполне логичное для надписи на наконечнике стрелы *ѣлтюр* (убей). Однако повторимся: при всей своей иллюстративности подобные примеры не создают единой и цельной системы, и при первой же попытке опереться на них они будут объявлены «натяжками» и случайными совпадениями. Поэтому обратимся к материалу, в котором автор усматривает системное влияние тюркской культуры.

Изучение эпоса народов Северной Европы, точнее – скандинавского, является, на наш взгляд, ярким образцом узко локализованного в определённых этногенерационных рамках исследования. Российские учёные, прямо или косвенно касающиеся вопросов генезиса скандинавских эпических систем, равно как и скальдической поэзии, весьма подробно освещают влияние на них индоевропейской традиции. Проблему они видят лишь в выяснении характера этого влияния: «Выясняется, что отдельные нити, связывающие германскую и индоевропейскую поэтические традиции... в которых было бы так

заманчиво видеть нити преемственности, с примечательным постоянством ведут к поэзии скальдов. “Реликты” оборачиваются... закономерным итогом развития на скандинавском Севере устной авторской поэзии – отдалённого... аналога авторской поэзии, процветавшей за тысячелетия до этого в Древней Индии и в Древней Греции» (Эпос Северной Европы, 1989: 26). При этом генезис собственно эпических систем автоматически относится исключительно к области действия индоевропейской культуры. Крупнейшие российские авторитеты в сфере изучения эпоса народов Северной Европы – М.И.Стеблин-Каминский и Е.М.Мелетинский либо отрицают, либо обходят молчанием возможность иного воздействия в процессе становления скандинавского эпоса (Стеблин-Каминский, 1970 - Мелетинский, 1968), их последователи так же однозначно оценивают свидетельство Снорри Стурлусона об азиатском происхождении Одина: «...выводить из мифа о происхождении поэзии... какие-либо заключения в плане теории индоевропейского поэтического языка было бы, по всей вероятности, так же рискованно, как и выводить *асов* из *Азии* (выделено автором. – Т.Т.), опираясь на популярную средневековую этимологию» (Эпос Северной Европы, 1989: 22). Между тем уже сам кеннинговый характер скандинавских текстов свидетельствует об изначальной ориентации их неведомых создателей на сакральность (вопрос, достаточно подробно освещённый в одной из наших статей) (Толгуров, 1992: 26–33). С учётом традиционной организации общества норманнов, насыщенность северной мифологии и эпоса гипертрофированными рапсодическими структурами представляется несколько необычной – социальные стандарты военно-демократических потестарных групп предполагают культурное равенство всех их полноправных членов. Естественное объяснение данному явлению – наличие в обществе изолированной прослойки инокультурного и иноязычного происхождения. И даже беглый обзор эпоса и мифологии Скандинавии и целого ряда тюркских народов выявляет ряд удивительных параллелей и аналогий в образном строе, сюжетных мотивах, реликтовых деталях, а иногда – и языковых тождеств, само количество которых наводит на размышления. К слову, центральный образ скандинавской мифологии – Один. Считая, что хейти Одина – это лишь функциональные ситуативные определения, теряющие свою актуальность в процессе перехода из текста в текст, а первичное обозначение этого бога именно Один (Вотан), мы приходим к выводу о невозможности чёткой этимологизации этого имени в среде европейских языков. Попытки выявления его аналогов в тюркских эпических системах приводят нас к образу Одуна – божества якутских олонхо. Происхождение имени последнего также достаточно прозрачно: общетюркское *Ödün* – ‘время’, ‘вечность’ (Древнегреческий словарь, 1969: 377). Наводят на размышления и буквальные совпадения космологических воззрений тюрков и древних скандинавов, зафиксированные в их эпических системах. Мифическое мироздание тех же якутов – три яруса; людьми (*айыы-аймага*) населён средний, причём заселение происходило по воле богов и гораздо позже момента его образования.

Интересно, что подобно Мидгарду средний ярус якутской мифологии также отгорожен от остального мира стеной, хотя, как и у скандинавов, чёткого определения вертикальной-горизонтальной структуризации мира эпос не даёт. В отличие от мирового ясеня скандинавов Иггдрасиля, мировое дерево якутов Аал Кудук Маас растёт на среднем ярусе. Тюркские народы знают ось мироздания, пронизывающую все миры. Это чаще всего вечное дерево, но может быть и золотой стержень, и цепь, скрепляющая различные слои вселенной. Простейшая реконструкция этого образа приводит нас опять-таки к дереву, верхушка которого совпадает с Полярной звездой (в тех случаях, когда в качестве мировой оси выступает цепь, она просто свисает с Полярной звезды).

Трёх- и более ярусное строение мира традиционно считается основным космологическим мотивом индоевропейской мифологической традиции, но в этой области тюрко-скандинавские параллели для нас интереса не представляют. Другое дело – присутствие в скандинавском эпосе целого ряда устойчивых сюжетообразующих формант, восточное происхождение которых сомнений не вызывает (Жирмунский, 1974). Скандинавские тексты буквально насыщены ими, но если у тюрков мотив неуязвимости и богатырского многодневного сна всегда имеет дальнейшее сюжетное развитие (враги, будучи не в состоянии убить спящего героя, вынуждены просто заточить его в темницу, скинуть в яму и т.д.), то в текстах древних скандинавов подобные эпизоды являются не имеющими сюжетного значения вставками (например момент совместной ночёвки Тора и Скюрмира).

Естественно, нефункциональность отдельных эпических содержательных блоков в составе национальных текстов, при полной «задействованности» их в текстах другой этнической принадлежности, может послужить основанием для выводов о характере генезиса эпоса, но это, вероятно, не всегда представляется возможным с точки зрения европейской научной идеологии в целом. К тому же сопоставление элементов архитектоники любого эпического текста также оставляет место для разночтений в смысле первичности-вторичности их в той или иной этнокультурной среде. Поэтому анализ макроструктур эпических систем, по нашему мнению, сам по себе не может служить доказательным основанием версий о моментах генезиса последних. В этом случае наибольший интерес представляют языковые единицы в их рунической форме.

Иногда трактовка имён либо устойчивых наименований в скандинавских эпических текстах видится явной натяжкой, которая настолько противоречит общему аксиологическому содержанию денотата, что никакой «примитивностью», «деэстетизированностью» первичных форм сознания объяснена быть не может, напр.: *Фенсалир* (двор Фригг) – ‘болотные палаты’, *Сюр* (одно из имён Фрейи) – ‘Свинья’. Между тем руническое тюрко-скандинавское сопоставление позволяет понять значение уничижительного вторичного имени богини.

В данном случае тюркская руническая запись слова *bičä* ('хозяйка, княжна, повелительница и т.д.') (Севортян, 1978: 134) даёт нам искомое *Сюр*:

кавказский вариант (*bčä*):
с переднеязычным Б;

A set of three black runic characters representing the word 'bičä'. The first character is a vertical line with a horizontal bar at the top. The second is a vertical line with a diagonal stroke from the top-left to the bottom-right. The third is a vertical line with a diagonal stroke from the top-right to the bottom-left.

германские руны (*sür*):

A set of three black runic characters representing the word 'sür'. The first is a vertical line with a diagonal stroke from the top-left to the bottom-right. The second is a vertical line with a diagonal stroke from the top-left to the bottom-right. The third is a vertical line with a diagonal stroke from the top-right to the bottom-left.

Тюркская руническая запись читалась справа налево, что в свете наблюдаемой инверсивности графем может служить ещё одним визуальным аргументом в пользу нашей версии.

Весьма показательным, с нашей точки зрения, выглядит сопоставление имён двух эпических героев – Локи и Гиляссыртана Злоязычного в вариантах *Гиляхсыртан* и *Гилясыртан* (Северный Кавказ – эпос «Нарты»). И первый и второй – ярко выраженные трикстеры. Почётная приставка к имени Гиляс – *Сыртан* – означает 'гиена' или 'гривистый волк'. Буквальный перевод слова *сыртан* – 'носящий на спине гриву'. Конечно же, адресация к эпизоду с превращением Локи в кобылицу может восприниматься в данном случае довольно зыбкой, хотя попытки увязать Локи и Сирдона (аналог Гиляссыртана в осетинской версии «Нартов») в российской науке уже предпринимались. Надо сказать, что наибольшей убедительности сопоставление Локи – Сирдон достигает при анализе полного имени героя «Нартиады» – Гиляссыртан, ибо находит подтверждение в руническом соответствии имён

Гиляс – (gls)

и

Локи – (lki)

Однако этим совпадения не исчерпываются (заметим – практически буквальные совпадения). Модель смерти Бальдра, подготовленной Локи, имеет два аналога в карачаево-балкарской версии эпоса «Нарты». Первый эпизод связан с одним из центральных образов – Сосуруком. Враги Сосурука, зная об уязвимости его коленных суставов, предлагают ему отбить стальное

колесо «Чарх», пущенное с горы, коленями (мотив богатырской игры, встречающийся во всех версиях «Нартов»). Во втором эпизоде участвует Гиляссыртан. В споре с другими нартами он предлагает им стрелять в собственного сына. Толкование эпизода довольно простое: Гиляссыртан подменяет ребёнка его изображением. Однако такое объяснение настолько «выпадает» из общего эпического тона повествования, что с большой долей уверенности можно предположить, что изначально речь шла о неуязвимости сына Гиляссыртана. Подобное допущение делается нами на основании двух эпизодов, в которых неуязвимый герой в конце концов погибает, причём если конкретно в случае со стальным колесом Гиляссыртан как виновник его гибели не упоминается, то на протяжении всего повествования он предстаёт в качестве главного врага Сосурука. Вероятно, мы имеем дело с эпическим расщеплением одного и того же сюжетного блока, искажённого ещё и поздними наращиваниями. Помимо всего прочего, Сосурук – приёмный сын Ёрезмека (в тюркской версии эпоса – главы нартов). Пасынок же в тюркских языках – *Baldır!*

Далее. Фригг – супруга верховного бога скандинавов Одина, боясь за своего любимца Бальдра, взяла клятву со всего существующего «на земле, в земле, в воде, под водой и в воздухе» в том, что ему никогда не будет причинено вреда. Бальдр вырос практически неуязвимым, и боги иногда развлекались, метая в него стрелы. Когда это происходило в очередной раз, Локи – вечно завидующий Бальдру, уговорив принять участие в игре слепого бога Хёда, подсунил ему стрелу из омелы. Это растение не давало клятвы, и Бальдр был убит.

Сюжет скандинавской легенды прост и понятен, однако не лишён некоторых несообразностей. Основная из них – это стрела из омелы. Во-первых, северяне не знали, что такое омела, так как она не растёт на территории Скандинавии. Во-вторых (и это, видимо, следствие первого обстоятельства), из ветвей омелы невозможно изготовить что-либо пригодное для стрельбы из лука. Объяснение опять-таки достаточно простое. Сосурук нартских сказаний погибает во время игры со стальным колесом: ему перерезало ноги. Однако в наиболее архаичных текстах «Нартиады» стальное колесо не упоминается. В них Сосурук играет с каменным колесом Абра-таш. Всё дело в том, что руническая запись (без фиксации гласных) *Абра-таш – БРТШ* носителем любого из тюркских языков, скорей всего, будет понята как *бурч* – ‘омела’, потому что только тюрки Северного Кавказа знакомы с объектом Абра-таш. Омела же в их языках, в частности в карачаево-балкарском, – это *кьубол*.

Пытаясь так или иначе определить статус скандинавского эпоса, мы должны будем отнести наиболее архаичные тексты не к собственно эпосу, а к мифологии. При этом мы можем констатировать, что большая часть героев мифов в эпос не переходит. Например, в эпической части фольклорной системы Скандинавии имя Бальдр практически отсутствует. Его более поздняя (эпическая) ипостась является главным героем фольклора материковой части Западной Европы и Скандинавии. Это Сигурд, или Зигфрид (в германском

фонетическом варианте). Не вдаваясь в детали тождества Бальдра и Сигурда, лишь упомянем, что одним из устойчивых определений последнего является выражение *Бальдр битвы*. Сохранит ли Сигурд компоненты образа Сосурука, если мы продолжим придерживаться данной гипотезы? В основных сюжетно значимых чертах – да. Он сирота, неуязвим, непобедим, воспитанник кузнеца. Простейшая реконструкция имени Сосурука даёт нам *Соз-ур-ук* или *Содж-ур-ук* – ‘семя Соза-Созура’, ‘семя Соджа-Соджура’. Эти имена пастуха, встретившего мать Сигурда Сатанай, зафиксированы как в карачаево-балкарской, так и в адыгской версии «Нартиады». Опустив огласовки, мы имеем знаковое совпадение фонетического состава имён Сигурд и Созур – SGRD и SZR соответственно с учётом трансформационных возможностей пары G – Z. Если исходить из графики северокавказского ареала тюркской руники, то можно считать, что между этими именами наблюдается полное соответствие.

Сигурд был сиротой, воспитанником карлика-кузнеца Регина. Запись имени последнего германской руникой имеет следующий вид:

R X †

Обратимся к нартскому эпосу. Согласно адыгской части «Нартиады» воспитателем Сосурука был Тлепш – ученик Дабеча. В карачаево-балкарской версии Тлепш не упоминается, а Дебет Златоликий лишь эпизодически контактирует с Сосуруком. Тем не менее напомним его имя рунами Северного Кавказа:

† X ǂ

Как видим, вполне возможно говорить об идентичности тюркской записи имени Дебет (последняя графема – северокавказский вариант альвеолярного звука *t*; на такой его характер указывает наличие адыгского имени *с* в конце) и германской – имени Регин. Погиб Сигурд-Зигфрид от удара копьем в единственно поражаемую область его тела – лопатку. Могли ли ноги Сосурука превратиться в лопатку? Они и не превращались. Мы опять-таки имеем дело с неверной транслитерацией рунической записи:

† * ǂ – жагъыр

– жуғъакъ

(в современном карачаево-балкарском языке – *жууакъ*) – ноги от колен и ниже.

Весьма интересен и образ невольного убийцы Бальдра – слепого бога Хёда. В балкаро-карачаевском сказании сына Гиляссыртана (Сырдаана) убивает нарт Нёгер (или Жёнгер). Оба варианта его имени означают ‘воин, сподвижник’ (Древнегреческий словарь, 1969: 361). Функционально и генетически эти имена в современном карачаево-балкарском языке совпадают и тяготеют ко второму значению. «Воинский» же оттенок более чётко проявляется в бытующем и сегодня имени Аскер (буквально – ‘воин-ас’). Руническая запись корня *ker* также даёт нам имя Хёда:

кавказская руника (*as/ker*) –

 – *kr*,

германская –

 – *hd*.

Слово *ker* (*ker*, *kör*) в тюркских языках имеет двойной смысл. Кроме упоминавшегося ‘воин’ оно означает ‘зрение’, ‘видеть’. Однако в эпических текстах *ker* употребляется в значении ‘слепой’ («Кёр-оглы», 1983).

Случаи подобного «смысло-графического» схождения тюркских (в частности балкаро-карачаевской версии «Нартов») и скандинавской эпических систем не единичны. Некоторые из них буквально поражают своим доказательным потенциалом. Примером может служить слово *Имир* – имя родоначальника скандинавских великанов.

Великан тюркских эпических сказаний – *deu* (‘огромный, большой’). Слово это относят к иранизмам, мы же видим в этом лишь дань устоявшейся традиции. В нашем случае этническая идентификация *deu* (*dew*) вряд ли имеет особое значение:

руника Северного Кавказа (*dew*) –

– ‘великан’,

германская руника (*mr*) –

– ‘Имир’.

Тюркское слово *emir* буквально означает ‘лёд’, в языках огузской группы – ‘иней’, ‘изморозь’ (Древнегреческий словарь, 1969: 645). Напомним, что Имир – это ‘ледяной великан’.

Итак, генеалогия скандинавских богов, зафиксированная в своё время Снорри Стурлусоном, базировалась не только на совпадении этнонима асы и имён богов скандинавского эпоса. Де-факто мы имеем устойчивую схему образования скандинавских эпических формант путём транслитерации руниче-

ских записей при единообразном искажении последних. Приведённые примеры (и множество других неупомянутых) свидетельствуют о том, что предки современных германцев и скандинавов имели дело с тюркскими руническими записями.

Принимая версию о формировании скандинавского эпоса в III–V вв. н.э., мы должны предположить, что носители тюркского языка и письменности появились в Европе не позже рубежа старой и новой эры. Это, конечно же, противоречит как официальной версии этноистории тюркских народов, так и существующим и признанным вариантам толкования происхождения тюркской руники. Тем не менее мы считаем возможным указать на некоторые обстоятельства. Любой алфавит, если он естественно-эволюционный, проходит долгий путь унификации графем, создания обозначений (в случае слогового письма) для гласных звуков и т.д.

Официальная наука лишает тюркскую рунику всех этих этапов. Признаваемый современными лингвистами первичным орхоно-енисейский ареал руники выдаёт нам абсолютно законченную систему письма с чёткими фонетико-графическими соответствиями, ограниченным числом графем и устойчивыми огласовками, т.е. со всеми признаками устоявшегося и окончательно сформировавшегося алфавита. Объяснения этому предлагаются разные, главным из которых является признание искусственного и целенаправленного создания руники одним или несколькими авторами. Подобная точка зрения усилена культивируется целой группой учёных, аргументы же оппонентов при этом объявляются несостоятельными. «... Наибольшую активность в раннем датировании формирования тюркского рунического алфавита... проявляет А.С.Аманжолов, легко отвергающий точки зрения всех предшественников и в категорической форме, без каких-либо доказательств, приписывающий надёжность и непогрешимость своим расшифровкам... Что касается заявления А.С.Аманжолова о том, что тюркский рунический алфавит восходит непосредственно, по-видимому, к какому-то раннему логографическому или алфавитному письму III–II тысячелетий до н.э., то оно не имеет под собой никакой почвы, является... спекулятивным» (Щербак, 2001: 45). Ни больше, ни меньше. Своё неприятие версий Аманжолова Щербак, правда, не аргументирует, скромно ограничиваясь постуляцией.

Следует отметить, что параметрами начальной версии алфавита обладают европейские ареалы тюркской руники, причём исходной точкой рунических записей и Европы и Кавказа считается рубеж VIII–IX вв. Главным аргументом такого утверждения декларируется отсутствие описанных эпиграфических памятников. Однако правда заключается в том, что европейские ареалы тюркской руники исследованы весьма поверхностно. Наиболее же обширный из них – Кавказ и Северное Предкавказье в этом отношении вообще представляет собой сплошное белое пятно, и результат усилий немногочисленных энтузиастов на сегодняшний день – не более полусотни зафиксированных надписей.

L I T E R A T U R A

1. «Кёр-оглы» (1983). Туркменский героический эпос. М.
2. Байчоров, С. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь.
3. Грейвс, Р. (1992). Мифы Древней Греции. М., Прогресс.
4. Древнегреческий словарь. (1969), Л.
5. Жирмунский, В. (1974). Тюркский героический эпос. Л.
6. Котина, А., Зубаев, В. (2011). Персонафикация амазонок и их имена в классической письменной традиции // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Вып.19 (114). Т.20.
7. Лившиц, В. (1978). О происхождении древнейшей рунической письменности // Сов.тюркология. № 4.
8. Мелетинский, Э. М. (1968). «Эдда» и ранние формы эпоса. М.
9. Миросина, Т. (1993). Историческая подоснова мифа об амазонках // Скифия и Босфор. Новочеркасск.
10. Севортиян, Э.В. (1978). Этимологический словарь тюркских языков. М.
11. Стеблин-Каминский, М. И. (1970). Древнескандинавская литература. М.
12. Толгуров, Т. (1992). Рапсодический код // Тюркология. № 1.
13. Тредьяковский, В. (1849). Сочинения, М., Т. 3.
14. Турчанинов, Г. (1971). Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.
15. Щербак, А. (2001). Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности турок. СПб.
16. Эпос Северной Европы. (1989). Пути эволюции. М.

Tahir Tolqurov (Rusiya)

Avropada türk faktorunun təxmini həddləri probleminə dair

Xülasə

Məqalə Avropada türk dili və mədəniyyəti daşıyıcılarının real meydana çıxma dövrünün aydınlaşdırılmasına həsr olunmuşdur. Müəllif məsələyə sırf filoloji aspektdən yanaşaraq türklərin Avropa qitəsində varlığının tarixinin eramızın II əsrindən götürülməsi fikrinin yanlış olduğunu sübut etməyə çalışır.

Məqalədə həmçinin skandinav və german eposlarının, qaraçay-balkarların "Nart" dastanlarının süjet və onomastik oxşarlıqları tədqiq olunur, qədim türk folklorunun "Böyük Edda" və "Nibelunqlar haqqında nəğmə"nin mətnlərinə təsiri öyrənilir.

Açar sözlər: *türk faktoru, Avropa, eposlar, mətn, filoloji aspekt.*

Tahir Tolgurov (Russia)

About the Problem of Approximate Borders of the Turkic Events in Europe

Abstract

The article has been dedicated to the clarification of the period of real appearance of the bearers of Turkic language and culture in Europe. Approaching to the issue from philological aspect absolutely, the author tries to prove that the thought of time which taking from the II century AD when the Turks existed in European Continent is false.

The plot and onomastic similarities of Scandinavian and Germanic epos, "Nart" epos of Karachay-Balkars are researched, the influence of the ancient Turkish folklore to the texts of "Elder Edda" and "The Song of the Nibelungs" is studied in the article, too.

Key words: *Turkish factor, Europe, epos, text, philological aspect.*
